
ДМИТРИЙ ЖУКОВ

ИРАН ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА*

ПОПЫТКА ОПРАВДАТЬСЯ

Когда я занялся Ираном, мне уже было за семьдесят. Новое увлечение показалось, по меньшей мере, странным моим коллегам да и просто знакомым, которые знали меня по прежним книгам о России, о ее исторических личностях и современных подвижниках.

Они спрашивают меня, чем я занимаюсь теперь. Когда я отвечаю, что Ираном, у них округляются глаза, на лице появляется жалостливая мина – ну, всё, еще одного довели до ручки! За что только не берутся люди от отчаяния и мелкого приработка к пенсии.

А зря.

Я счастливо женат, дети выросли и достигли степеней известных, нужды ни в чем не испытываю – труды мои, особенно переводы, переиздают каждый год. Разве что об одном жалею. До сих пор не взялся за мемуары, а жизнь когда-то была богата событиями, приключениями и встречами с достойными и недостойными людьми.

Темы прежних книг, тональность и патриотические мысли, в них вложенные, имели определенный успех, поскольку в моих литературных опытах была новизна сопротивления безверию и лживости партийной бюрократии, находившая отклик у изрядного числа читателей.

Но тех читателей уже почти нет, как нет цензуры, заставлявшей идти на стилистические ухищрения ради того, чтобы ее обойти. Был авторский азарт, было и умение наших людей читать между строк. Двойное мышление пронизывало все слои общества и в конечном счете губило их души.

Сто с лишним лет назад в России тоже случилось либеральное послабление, и кто-то из тогдашних литераторов сказал, что стараться и тратить лишние слова теперь нечего – достаточно в дискуссии сказать: “Дурак!” и получить в ответ: “Сам дурак!”

Партийная номенклатура, которой самой надоели коммунистические формальности и захотелось еще большей роскоши при полной либеральной безнаказанности, произвела переворот, развалила все, чтобы легче было ловить рыбку в мутной воде, перекрасилась и пристроила отпрысков в число проходимцев, разворовавших государственное имущество.

Цензуру же с успехом заменила привычка нового поколения читателей к развлекательному чтиву – отвлечению от беспокойных мыслей. Его даже приучили к тому, что слово “патриот” ругательство, а не определение человека, который любит свою родину и желает ей добра.

* Первая часть одноименной книги, готовящейся к изданию

Литературу, которая почиталась самым читающим в мире народом как символ свободомыслия, власти над душами и служила поводом для кухонных пересудов, задвинули в тень и сделали малопочтенным занятием. Пять минут в неделю длится рекламная телепередача книготорговцев об их продукции. Большого она не заслуживает. Это вам не памперсы.

Просвещенное общество раздробилось на кучки, больше занятые междоусобной и внутривидовой борьбой, чем чтением книг. Их с успехом заменили расплодившиеся собственные газеты. Но даже сверхэмоциональная статья, исполненная изысков типа “сам дурак”, не удерживается в памяти единомышленников и до конца дня, потому что они ищут лишнего подкрепления собственных заблуждений, а не открытий.

Что же тогда говорить о людях, целиком занятых поиском хлеба насущного, или скоробогачах, которые держат на полках фолианты с кожаными корешками и золотыми обрезами престижа ради, но читают на досуге, как и многие другие, серийные детективы и дамские романы, состряпанные из готовых блоков мифическими, по-моему, авторами. Эти с успехом заполнили вакуум, образовавшийся с уходом в небытие макулатурного потока, призванного поддерживать неискренние идейные притязания коммунистических руководителей. До их перекраски.

Теперь появилось самостоятельно великое число полезных трудов на прежде запретные темы. Но тиражи таких книг чудовищно малы. Наверное, в соответствии со спросом.

Не наверное, а наверняка. Не сочтите это ворчанием, приписываемым моему возрасту, но тенденция развивается отрицательная. У меня лично такое неплодотворное ощущение, что мы зашли в тупик – обо всем говорено-переговорено, повторяться не хочется, досадно, а главное, при нынешнем зыбком и противоречивом состоянии даже патриотично настроенных умов, бездейственно. И все-таки теплится надежда на то, что славяне, издревле склонные к распрям между собою, по выражению Татищева, тоже вдруг изменят своей природе, возмутся за ум, за дело и поверят в достойного вождя.

Тому есть пример даже в современном мире.

* * *

“В эпоху всеобщего разочарования в личностях, пытавшихся изменить мир в лучшую сторону революционным путем, и робких упований на чудо появления вождя, верующего и достойного доверия, лишённого чувства самолюбования и корысти, жажды власти и равнодушия к народным страданиям, что сказали бы вы о таком феномене?”

С детства он был памятьлив, серьезен, благочестив и неспособен к дурным поступкам. По семейной традиции, он избрал карьеру ученого-богослова и прошел все ее стадии, являя собой образец послушания учителям и усердия в постижении религиозных догм и множества языков и наук, что, однако, не иссушило его души, оставив место творческим сомнениям, поэзии и стремлению сблизить мистические абстрактные теории с вечнозеленым деревом жизни.

Во благовремени он женился и обрел в семье любовь и верность, был счастлив в пятерых детях, радовавших его своими успехами и привязанностью, освятившей всю их жизнь. Он был всегда справедлив и проникновенен – от его зорких глаз не укрывалось ни одно дурное поползновение общавшихся с ним, как и многообещающие их задатки. Великолепный педагог и оратор, он вырастил учеников, не только навсегда оставшихся верными его идеям, но и готовых отдать за него жизнь.

Натура цельная, он никогда не кривил душой, высказывался свободно и так убедительно, что его превосходство редко вызывало неприязнь коллег, которых он не заслонял собой в собраниях, четко разграничивая тщеславие и дело.

Написав несколько десятков объемных трудов и обретя соответствующие знания, он по праву считался авторитетнейшим ученым, но не стремился к какой-либо власти, даже академической, пока политика сама не вторглась в его мир, посвященный Богу, и не заставила безоглядно отстаивать свои идеалы.

Это случилось, когда ему минуло шестьдесят, когда тирания замахнулась на все, чем он жил, на Божественное право, которое он знал назубок. И он обрушился на тиранию со всем пылом своей безгрешной души, в одночасье

превратившись в харизматического лидера, обретя невиданную духовную власть над верующими и вспомнившими о вере предков, находя без всякой натуги яркие слова, еще больше будоража мятущихся и в то же время давая им чувство уверенности в том, что они наконец нашли смысл жизни.

Его арестовывали и запугивали, но он ни разу не пошел на компромисс с теми, кого считал недругами народа и хулителями Бога. Его выслали из страны, но в пятнадцатилетнем изгнании ни разу не стихал его громовый голос, долетая до самой ничтожной хижинки на родине.

Чистота его помыслов, неподдельная искренность, безыскусная гениальность его посланий и речей, всем известный аскетизм и неуклонность в соблюдении религиозного долга, совершеннейшая неспособность замечать жизненные неудобства, презрение к политиканству и уважение к политике, если она полностью подчинена Божественному праву, вселяли надежду на приход царства справедливости и духовного очищения.

Он вернулся на родину в разгар народных волнений, встреченный миллионами сторонников, возглавил революцию, а после победы ее создал государство, подсказал ему выстраданные в изгнании законы, обеспечивавшие народовластие, гарантией которого стал он сам.

Полностью лишенный капризов, свойственных властителям и победившим революционерам, он мечтал об одном – собственным примером и словом воздействовать на каждую личность так, чтобы она своим стремлением к совершенству и знанию приблизилась к Богу, и это во многом ему удалось.

Он вознесся на самый верх власти, став духовным лидером большой и богатой страны, в которой помимо него были президент, правительство, парламент и прочие известные и новые институты, но он не менял образа жизни, обитал в арендуемом на собственные средства скромном домике. Скончавшись почти в девяносто лет, он не оставил после себя никакого имущества, раздарив даже то, что досталось ему от родителей”.

* * *

С этого панегирика начиналось мое большое предисловие к сборнику речей имама Хомейни, составленного и переведенного с английского мною же. Оно вышло и отдельным изданием, поскольку его сочли краткой историей Исламской революции в Иране и биографией ее вдохновителя.

И дело стоило того, несмотря на скепсис моих знакомых. Я открывал для себя Иран после многих разочарований в предыдущее десятилетие, бесплодных попыток высказаться с различных трибун, когда у многих еще оставалась надежда на изменение губительного хода событий, ведущего к ограблению и унижению России. Напрасные попытки вдруг сменились тоскливым настроением, депрессией, почти черной дырой, поскольку совсем не помню, что делал целых два года до работы над политической биографией имама Хомейни.

Иран оказался нишей, в которую я спрятался, оборвав почти все прежние связи, но совсем не жалею об этом, потому что суета мешает размышлять. Верные старые друзья ушли из жизни, а новые встречи с прежними знакомыми сулят одно лишь повторение пройденного и новые разочарования. Боюсь, те испытывают то же самое. Общение же с близкими, несмотря на всю обыденность, не приедается, как хлеб.

С годами время утекает быстро, как песок меж неплотно сжатыми пальцами, и на скуку его не остается.

ИСТОРИЯ С БУТЫЛКАМИ

Всё началось случайно, с обыкновенной писательской поездки в Тегеран в ноябре 1997 года по приглашению Института подготовки и публикации трудов имама Хомейни. Впрочем, случайность, вопреки убеждению математиков, имеет свои предпосылки.

(Город, в котором погиб Грибоедов, давно тревожил мое воображение, и в свое время я даже написал о поэте очерк “В последнем завидном году”, так и не повидав Тегерана, потому что тогда бушевала в Иране исламская революция, и мне не дали въездной визы.)

С 9 по 11 декабря того же года в Тегеране предстояло заседать конферен-

ции глав исламских стран. Мы с ныне покойным поэтом Игорем Ляпиным приехали в ноябре, но все коммерческие отели уже готовились принять участников конференции (первых секретарей компартий бывших республик СССР, а ныне истовых правоверных в том числе) с их многочисленными свитами. Гостеприимным хозяевам пришлось устроить нас в офицерской гостинице Военно-воздушных сил Ирана.

Однажды мы стали свидетелями, как туда съехались на какой-то торжественный ужин высокие военные чины. Пройдя мимо расставленных вдоль дорожки солдат в мешковатых парадных мундирах с белыми аксельбантами и в белых же крагах, они изволили кушать в ресторане кебаб на вертеле, громадные порции вкусного длинненького риса, желтого от шафрана. На столах стояли и большие вазы с фруктами и небольшими сладкими огурцами, которые, видимо, тоже причисляются в Иране к лакомствам. Генералы и офицеры, вставая, произносили непонятные нам речи (чуть не сказал тосты) всухую, безо всякой выпивки, если не считать стандартных бутылочек “перси-колы” (именно так), ничем не отличавшейся от пепси-колы, которую якобы выбирает молодое поколение.

Это дает представление и о нашем каждодневном рационе.

Когда мы летели в Тегеран, в самолете зашел разговор о сухом законе в Иране. Мой обычно спокойный и приятный в общении спутник Ляпин вдруг спохватился взволнованно и сказал, что взял с собой, по старой советской привычке, три бутылки водки, чтобы дарить новым знакомым. Ему тут же и разъяснили, что он попадется уже на таможне. Ляпин с сожалением засунул бутылки в мешок переднего кресла и вышел из самолета без них. Но, как оказалось, ни он, ни я не были приверженцами зеленого змия и вполне обходились старомодно возвышенными разговорами о поэзии.

Нам было очень уютно в доме, в гостиных стояли большие нарядные кальяны с лучшим ширазским табаком, который подпаливался угольками, и через длинную трубку с мундштуком можно было втягивать прохладный дым, пробулькивавшийся сквозь воду. Только это и придавало восточный колорит небольшому образцу развитой гостиничной цивилизации, в котором поддерживали порядок ясноглазые молодые солдаты срочной службы – смелые, веселые, приветливые.

В Иране для нас все было ново: и еда, и поведение людей, во взоре которых отсутствовала озлобленность, появившаяся у наших соотечественников в последнее время. Мы забредали в отдаленные уголки города, присматривались в лавчонках к людям и товарам и видели, что жизнь течет размеренная, а люди добродушны и приветливы.

* * *

Хамид Ансари, директор Института Хомейни, был худощав, волосат, убийственно серьезен и скуп на слова, не относящиеся к делу. Но и он, как полагается персу, не удержался от цветистообразной фразы:

– Сочинения и великие деяния имама Хомейни столь необъятны, что попытаться дать представление о них в одном томе – это все равно, что влить бесконечное море воды в один кувшин.

Я хотел было возразить французским выражением: чтобы узнать вкус вина, необязательно выпить его целую бочку, но вспомнил, что вступаю в противоречие с исламом, категорически отвергающим потребление спиртного. Однако в персидской поэзии, у Омара Хайяма, например, вино встречается часто, да и мистический поэт имам Хомейни употреблял в своих стихотворениях это слово, как оказалось впоследствии, иносказательно.

Речь шла об уже упомянутом сборнике. Для предисловия, охватывавшего 90 лет жизни страны, требовались материалы, поездки, жизнеобеспечение... Ансари сразу отменил мысль о договорных обязательствах:

– Всё будет как надо, – сказал он гордо. – Даю слово мусульманина!

И я сразу поверил. Выражение глаз и блеск в них иногда говорят больше, чем бумага, скрепленная печатью. Слово мусульманина действительно оказалось железным.

Когда мы попрощались с Ансари, Ляпин заметил, что он похож на исламского террориста, каким его изображают в американских фильмах. Как изображают русских, мы тоже знаем.

На самом деле Ансари – типичный эрудит-трудоголик, тянущий на себе воз собирания речей и рукописей имама Хомейни, составления исчерпывающих комментариев к ним и писания книг. Одну я позже перевел из благодарности и для того, чтобы разобраться в реалиях новейшей иранской истории и сложных богословских вопросах, что оказалось занятием весьма увлекательным и повлекло за собой чтение философов, историков различных религий, а также размышления о бренности и несовершенстве мира сего.

Вспоминается мне забытый французский философ Биран, который говорил, что с годами человек ощущает в себе чувство слабости, недомогания, надеется исцелиться от хвори, а эта хворь – неотвратимая старость. Говорят, будто бы людей заставляет обращаться к религии страх перед смертью и тем, что будет после нее. Неверно. Просто страсти утихают, реже возбуждаются воображение, желания и забавы. Разум начинает работать спокойней, душа обращается к источнику всякого света, к правде бессмертной и абсолютной, к Богу. И чистое религиозное чувство возмещает нам все утраты.

Но это так, к слову. В исламе богословие иное, нежели в христианской религии, и я с трудом усваивал, например, уровни пребывания бесплотного человека в потустороннем мире при его приближении к Богу. После смерти, естественно.

А при жизни я разбираю теперь уже неразборчивые пометки с десятками имен и представляю себе скромный домик имама Хомейни в Шемиране, северной части Тегерана. И бывший дворец какого-то шахского министра, с большим садом и мраморными полами и лестницами, где расположился институт, которым руководит Ансари и куда требуют входить, сняв ботинки, и шлепать по голому мрамору ногами в носках, как в мечетях, да только в них все полы в коврах.

В министерских покоях сидят за компьютерами молодые люди, роются для меня в картотеках, тащат вороха литературы. Но приходит время намаза, и наверху, над широким лестничным пролетом, появляется институтский муэдзин. Приложив руку к уху, он особенным голосом, в нос, славит Аллаха на арабском языке и произносит азан – призывает к молитве, завершая каждую фразу обрывисто и замолкая после нее на несколько секунд.

Молодой человек, уже приготовившийся, совершивший ритуальное омовение лица, рук и ног, не обращая на меня никакого внимания, выходит из-за компьютерного стола, расстилает тут же молитвенный коврик, склоняется над ним в сторону Мекки, становится на колени, падает ниц, совершает полуденный саят. Я читал о том, что произносит про себя мусульманин:

– Аллах акбар (Бог велик).

Потом следует символ веры:

– Ля иляха илля-ллах ва Мухаммадун расулю-ллах (“Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха”). Шиит еще помянет непогрешимого имама Али.

Возможно, он скажет в уме короткую первую суру Корана и попросит Аллаха, Милостивого, Милосердного, простить грехи...

– О Аллах, пошли милость своим рабам! Твой покорный слуга, грешник, пришел к порогу твоего дома. Ты говоришь, что благодетель прощает грешника, ты и есть благодетель. Пошли милость Мухаммеду и его семейству!

Молитва не ограничивается набором рекомендуемых священнослужителями текстов. У каждого есть свое, сокровенное...

Однажды один из сотрудников института после молитвы, сложив коврик и вернувшись к компьютеру, вдруг спросил меня, верю ли я в Бога.

– Верую, я православный.

– А ислам вам нравится? – продолжал он, зная, что я читал Коран, в котором содержится мудрость, превышающая, по мнению мусульман, достижения современной науки, а также изучал труды имама Хомейни.

– Почему он должен мне не нравиться? – ответил я вопросом на вопрос.

– Тогда вам надо стать мусульманином, – сказал он простодушно.

– А вы помните стихи Мевляны о споре одного мусульманина с зороастрийцем-огнепоклонником, чья вера лучше?

– Нет, – признался он.

Пришлось кое-как пересказать на английском, который здесь худо-бедно знают многие, стихотворение основателя братства вертящихся дервишей и мо-

гучего поэта Джалаледдина Руми. Оно написано почти тысячу лет тому назад и знакомо мне в переводе на русский с фарси, сделанном В. Державиным:

*Огнепоклоннику сказал имам:
"Почтенный, вам пора принять ислам!"*

*А тот: "Приму, когда захочет Бог,
Чтоб истину уразуметь я мог..."*

*"Святой Аллах, – имам прервал его, –
Желает избавленья твоего,*

*Но завладел твоей душой шайтан:
"Ты духом тьмы и злобы обуян".*

*А тот ему: "По слабости своей,
Я следую за теми, кто сильней.*

*С сильнейшими сражаться не берусь,
Без спора победителю сдаюсь.*

*Когда б Аллах спасти меня хотел,
Что ж, он душой моей не завладел?"*

* * *

Но вернемся в офицерскую гостиницу.

Как-то новоявленный знакомый, русский человек, вдруг принес к нам в номер большую бутылку вина. Православные и просто бывшие советские добывают его здесь у местных армян, на законном религиозном основании пьющих и танцующих со своими женщинами, которые носят открытые и короткие платья, если это происходит в специальных кварталах, огороженных высокими стенами, за которые нет доступа правоверным.

Но получилось так, что мы не распили бутылку, а спрятали в шкаф, потому что со стороны улицы донесся какой-то страшный рев.

Оказалось, это праздновали победу иранской сборной футбольной команды над австралийской. Иранские футболисты вышли в финал игр на первенство мира (а наши выбыли где-то на ранней стадии). Мы вышли на улицу, которая до отказа была заполнена людьми, оравшими, размахивавшими национальными флагами. Все машины остановились. На крышах их тоже стояли люди и кричали во все горло под рев автомобильных гудков. И так было во всем Тегеране. Мы присоединились к ликующей толпе, и нам сунули в руки флажки.

Мы тоже искренне радовались за хозяев. Это футбольное событие до сих пор помнят все заядлые болельщики мира.

Кстати, при всей своей учености и занятости, при аскетическом образе жизни имам Хомейни не лишен был черт, нарушавших строгость его образа святого человека и тем не менее симпатичных для жизнерадостных иранцев, которые доверительно расскажут тебе, как он в семинарии играл в футбол, потом болел за любимую команду, посещал матчи.

Став духовным руководителем Ирана, он высказал непререкаемое мнение, что надо запретить расплодившиеся при шахе гнезда разврата и азартные игры, включая шахматы. Однако, спустя некоторое время, Хомейни признал, что погорячился в отношении шахмат, развивающих логическое мышление, и вычеркнул их из запретного списка.

Он придавал значение традиционности женской одежды, но был либерален в отношении мужской. Говорят, в его круге завелся обычай не носить галстука при современном костюме, как бы наперекор всемирной моде, в знак протеста против западной удавки. Если человек при галстуке, или в шортах, или в рубашке с короткими рукавами, то это обычно иностранец. Почти все иранцы носят бороды, но у людей помоложе это что-то вроде сильной небриности, ставшей модой и на Западе, который даже завел специальные бритвы для сохранения ее, но не знает, откуда она пошла.

Что же касается футбола, то ревнители благочестия, желавшие быть святее самого Хомейни, говорили ему, как же, мол, так — носятся здоровенные парни по полю не только с обнаженными руками, но и в трусах, не прикрывающих волосатые мускулистые ноги. Не стоит ли осудить показ футбольных матчей по телевидению, дабы не смущать дам и детей? Ответ был краток и вразумителен: — Кому не нравится, пусть не смотрят.

* * *

Я вспомнил о бутылке в шкафу лишь после отъезда Ляпина, понюхал кислитину и не стал пить. Тем более один. Через три дня улетал и я. Пить вино все не хотелось. Оставить его в шкафу я не мог. Подумал о своем ренеме перед ясноглазыми солдатиками, которые придут убирать мой номер. Вечером я взял бутылку и вышел в розовый сад. Там была такая чистота, благодать и так много электрического света, что я постеснялся оставить бутылку где-нибудь под кустом и пошел искать закуток потемнее, у высокого забора, через который перекинул ее, больно наткнувшись на обратном пути на какую-то проволоку. Но на душе стало легче.

И я ни за что не поверю злым языкам, утверждающим, что солдатика обрадовались бы, наткнувшись на бутылку...

ЧТО МЫ ЗНАЕМ ОБ ИРАНЕ

Меня провожали на самолет. У аэропорта автоматчик поднял руку, и машина остановилась. Водитель азербайджанец Расул сказал: “Восемь часов”, только два русских слова, почему-то засевших в его памяти после давней командировки в нашу страну. Он часто говорил мне их, улыбаясь, во время поездок, на что я неизменно отвечал: “Мэн азербайджан дили бильмирам”, что-то вроде “Я азербайджанского языка не знаю”, фразой, тоже не забытой со времен моего бакинского детства.

Этот нелепый кратчайший диалог как бы подтверждал наше доброе отношение друг к другу и разнообразил английскую речь, с помощью которой я общался с другими своими спутниками из института, людьми образованными и тоже пытавшимися шутками скрасить дорожную скуку сообразно своему темпераменту и пределам владения чужим языком. А мы уже изрядно покочесили по Ирану...

Расул вышел из машины и открыл багажник своего “Пежо” иранской сборки, а заботливый опекун Мансур Мухаммади предъявил мой, советский еще, паспорт и билет на самолет до Москвы. Суровый страж сказал: “Руси” и широко улыбнулся. Они все хмурятся, услышав слово “Америка” и улыбаются нам, постепенно отвыкая от неприятного “шурави”.

В то декабрьское утро улицы Тегерана были непривычно пусты, поскольку в него слетались главы многих десятков мусульманских стран, опоясавших Восточное полушарие от Атлантического до Тихого океана. Они представляли более чем миллиардную общину людей плодovitых, разноликих, беспокойных, недовольных агрессивностью другого миллиарда, который его заносчивые предводители называли “золотым”.

По приезде в Москву я заметил, что это событие заняло куда меньше места в наших СМИ, чем состоявшийся в то же время визит в нашу страну шепелявой голливудской дивы.

В горах Эльборза, у которых кончаются северные окраины Тегерана, выпал снег, ослепительно сверкавший в косых лучах утреннего солнца. Под ясным иранским небом сохранилось достаточно тепла, чтобы пощадить распустившиеся розы и позволить понежиться северянину, который знает, что его ждет часа через четыре.

* * *

Мне не хватило и четырех лет, четырех поездок в Иран для того, чтобы составить себе полное представление о большой и древней стране. Но что узрел или узнал, расскажу, как узбек, едущий на ишаке и заунывно поющий обо всем увиденном по дороге...

Для подавляющего большинства русских людей существующее с седой старины государство Иран, до тридцатых годов прошлого столетия называвшееся Персией с легкой руки древних греков, остается “terra incognita”, страной настолько малоизвестной, что знакомство с ней не считается обязательным даже для эрудитов, которые любят блеснуть своим знанием античности, непринужденно толкуют о фактах истории и культуры Европы и Америки. А в разговорах о современной геополитике упоминают ее в перечислениях государств, обладающих солидными запасами нефти.

Что помнит человек, не интересующийся Ираном специально?

Кое-что из школьных курсов истории и литературы. Войны древних греков с персами. Имена ученых и поэтов: Фирдоуси, Авиценну, Омара Хайяма, Саади, Хафиза. . . Русско-персидские войны начала XIX века весьма смутно. . . Трагическую гибель Грибоедова в Тегеране. Неожиданную для нас Исламскую революцию 1979 года и фигуру имама Хомейни, подаваемые нашими СМИ весьма двусмысленно, как и события в Иране последних лет, поскольку мнения обо всем этом черпаются ими на Западе, где страну зачислили в “изгой”, наряду с Ливией и Северной Кореей, за непокорность и поиски своего пути развития, которое сулит немалые выгоды нашей растерзанной экономике и отощавшему бюджету.

И это, пожалуй, всё.

ШАРНИР

А между тем само расположение Ирана на земном шаре предназначено для того, чтобы почти с тех самых пор, как помнит себя человечество, он играл роль шарнира на оси, со скрипом и визгом обеспечивавшего повороты истории.

Здесь сошлись Север и Юг, Восток и Запад. Здесь кочевали целые народы при своих великих переселениях. Здесь удовлетворялось кровожадное честолюбие великих полководцев-завоевателей. Здесь создавались и рушились великие империи. Здесь прошли миллионы караванов. По Великому шелковому пути из Китая в Европу.

Известно, что многие ученые люди древности, да и Средних веков, специально присоединялись к караванам, чтобы пополнить свои знания. Так в Древний Иран попали Геродот и Плиний. Мы знаем много трудов персидских и арабских географов, ходивших с караванами до Средиземного моря. Примерно с XV века из-за междоусобных и прочих войн Великий шелковый путь стал терять свое значение. Морские перевозки стали более выгодными, но море было не всюду.

* * *

На границах нынешнего Ирана и теперь еще все кипит, не устоялось, все чревато катаклизмами, которые по закону домино могут повалить мировой порядок под невыносимое скрежетание шарнира мировой истории.

Одно перечисление граничащих с Ираном государств будит в нашей памяти великое множество событий последнего века, которые, так или иначе, всплывут в моем рассказе.

Начнем с отрогов горы Большой Арарат, где некогда пристал Ноев ковчег после Великого Потопа со всякой тварью по паре и благословенной заповедью плодиться, размножаться и жить в мире. Ее белоснежный конус равнодушно взирает на распри Армении и бывшего советского Азербайджана, северных соседей Ирана.

В ясную погоду Арарат виден и с Курдистанского хребта, который отделяет Иран от Турции, нашей исторической соперницы, вооруженной до зубов и ностальгически вспоминающей о мощи Оттоманской империи, которая владела Балканами и оставила в наследство то, что до сих пор считается “пороховой бочкой” или “нежным подбрюшьем Европы”.

К югу по безжизненным горам и пустыням, а потом по реке Шатт эль-Араб, или по-персидски Арванд Руд, в которую слились две великие в колыбельной истории человечества реки – Тигр и Ефрат, пролегла граница с многострадальным Ираком. Эту страну под надуманным предлогом захватили сегодня американцы. Захватили вместе с шиитскими святынями, что почти для всего населения Ирана (а это шииты) – нож острый.

Горный хребет Загрос протянулся тысячи на полторы километров от Ирака на юго-восток Ирана. Горы эти делят страну надвое – на гигантское Иранское нагорье, где оазисы с цветущими городами кажутся на карте крохотными среди каменистых пустынь, и на плодородные речные долины и жаркое побережье Персидского залива и Аравийского моря, по обе стороны которых земля напоена нефтью.

На запах этого энерготворящего сока, а вовсе не ради “защиты свободы”, сплываются со всех концов света танкеры величиной с футбольные стадионы, броненосные чудовища, оцетинившиеся пушками и ракетами, авианосцы, а в небе молниями проносятся рои стреловидных ос со смертоносными жалами.

От Аравийского моря на север тянется граница Ирана с Пакистаном, уже владеющим ядерным оружием и, несмотря на подачки его правительству, тоже ненавидящим Америку.

И с Афганистаном, который, несмотря на американскую оккупацию, травит изнеженный Запад героиновым ядом. Его воины, неприхотливые, спящие на голых скалах с автоматами в обнимку и готовые принять смерть в бою с радостной жертвенностью, затаились, чтобы в нужное время восстать и дать новый пример превосходства религиозного духа над безбожным стяжанием материальных благ. В прошлом объединившиеся варвары не раз обкусывали великие империи. И, в конце концов, приводили их к падению.

На севере, обойдя по краю владения покойного Туркмен-баши, граница Ирана упирается в Каспийское море, которое в Иране называется Хазарским.

Оно-то, с берегами, лежащими метров на тридцать ниже уровня мирового океана, и является ныне границей с Россией.

* * *

И сразу, за полоской морского берега, почти из преисподней, заросшей джунглями, вздымаются на пять с лишним километров горы Эльборз, которые венчает белоснежная вершина-красавица Дамаванд. Примыкая к южным склонам этих гор, распростерся уходящий в каменистую пустыню Тегеран.

Чистейшая вода ниспадает со снежного хребта и омывает корни платанов, затеняющих улицы иранской столицы.

За южной ее окраиной, в пустыне, вдоль превосходных шоссе попадают деревеньки с домами глинобитными или из необожженного кирпича, низкие, с плоскими крышами и саманными заборами вровень со стенами, заслоняющими от постороннего взгляда сады-огороды, дворики с небольшими бассейнами и сокровенный мусульманский быт.

Северному, российскому, взгляду, привыкшему к лесам и зеленому разнотравью, желтовато-бурая пустыня кажется невыразимо унылой, а деревни – глиняными наростами на ней.

Взгляд ищет горы на горизонте. И находит. Почти весь Иран – это горы и плоские нагорья, красноватая почва, поросшая меж камней колочками и пучками жесткой травы, разжевать которые могут лишь овцы да верблюды, чудом выжившие в соревновании с автомобилями.

Во всем Иране люди, по мере возможности, селились там, где есть вода и прохлада, а это обычно предгорья с их плодородными долинами.

Где есть вода, там растительность буйствует с удесятеренной силой, спеша отдать заботливым рукам свои плоды по нескольку раз в год. И человек, впивающийся в арбузную мякоть в мае, наслаждающийся круглый год всеми мыслимыми и немыслимыми фруктами, овощами, лакомящийся фисташками и финиками, благословляет волю Аллаха, судьбу и воду.

И так почти по всей территории Ирана, которая больше Германии, Франции и Великобритании, вместе взятых.

Считается, что Иранское нагорье – родина культурных растений: ржи и пшеницы, не говоря уже об арбузе, айве, миндале, алыче и многих других. За всю известную историю человечества не появилось ни одного нового распространенного вида культурных растений или домашних животных.

Пути Господни неисповедимы... И если представить себе сады Эдема с их изобилием, позволявшим “венцам Божьего творения” жить безбедно, пока они не отведали плодов древа познания добра и зла, или исчезнувшую биологическую цивилизацию, которая шла по пути создания новых полезных ви-

дов, а не средств уничтожения, то можно сказать, что мы пользуемся великим наследием. И не стал ли Иран одним из главных передаточных звеньев, облагодетельствовавших съестным человечество, влекомое пока техническим прогрессом, в котором главное – производство орудий смерти, а все остальное – побочный продукт?

Но только ли этим богат Иран? По запасам нефти и газа он занимает одно из первых мест в мире. Не говоря уже о запасах угля, железных, медных, свинцовых, хромовых руд, молибдена, никеля, кобальта, других редких и благородных металлов, серы, соли... Проще перечислить, чего нет, но этим, кажется, никто не занимался.

Главное богатство Ирана – люди. Все они зовутся, еще по древнегреческой традиции, персами. Большинство их – потомки ариев, пришедших с севера несколько тысячелетий назад и сохранивших следы своего происхождения в языке. Не оттого ли тут часто встречаются темноволосые люди с серыми и зелеными глазами, с европеоидными чертами лиц, а в музыке, наряду с восточными, часто встречаются мелодии, напоминающие вагнеровские или украденные Дунаевским? Право же, стоит прислушаться при случае к иранскому гимну...

По этническому разнообразию Иран напоминает Россию, но делится на провинции, а не на национальные образования, чреватые при любой смуте сведением старых счетов и большой кровью. Так и живут вперемешку персы, азербайджанцы, бахтиары, курды, луры, арабы, туркмены, гилянцы, белуджи...

На языке азери говорит больше людей, чем в постсоветском Азербайджане. На фарси, от которого иностранцы в свое время произвели Персию, говорят почти все, как по-русски общались “тюркоязычные братья” в Советском Союзе, не понимавшие родственных диалектов. От якутов до туркмен.

Ислам национальностей не признает, хотя толков имеет много, как и христианство. И как для христианства после крещения “несть ни эллина, ни иудея”, так и перед лицом Аллаха все равны – что араб, что перс, что тюрк, что курд... Все они сварены в котле ислама, и права у всех равные. Исламское государство Иран обязалось чтить их языки и особенности быта. Как и религии крохотных немусульманских меньшинств.

ТЕГЕРАН-2000

– Hello, mister Zhukov! How is your wife? (“Приветствую, мистер Жуков! Как Ваша жена?”)

Такими возгласами встретили меня швейцар и многие другие служащие гостиницы “Эстеклал” (“Независимость”), которая возвышается на севере Тегерана. Это было в 2000 году, а в предыдущем мы останавливались там же с женой Ириной, жили сравнительно долго и, видимо, примелькались и запомнились персоналу. Это большая стандартная гостиница, даже с теннисными кортами, разве что нельзя перебрасывать мячи через сетку женщинам и мужчинам вместе, и у входа в вестибюль вас встречает плакат, призывающий уважать местные обычаи, мужчин не ходить в шортах, а женщин покрывать головы, по крайней мере, косынкой.

Расположена гостиница очень удобно. В окнах на север виден снежный хребет, на юг – весь Тегеран, как на ладони.

Мимо нее на юг под уклон идет улица Вали-е Аср, делящая город на две части. Наверное, не раз и не два я прошел сквозь весь город по этой улице протяженностью в 15 километров, во время своих прошлых поездок сюда.

На отрогах гор, застроенных великолепными новыми высотками и роскошными виллами, сравнительно прохладно.

Перепад высоты между севером и югом Тегерана – пятьсот метров, перепад температуры – 6–7 градусов.

В средней части города сосредоточена деловая жизнь, в архитектурной эклектике отражаются вкусы последних двух веков.

На южной окраине живут ремесленники и мелкие торговцы, которыми становятся крестьяне, всё прибывающие в столицу в поисках работы и удачи. Дома там низкие, как бы придавленные знойным маревом, тротуары грязны.

Если подниматься по улице с юга на север, то чем ближе к центру, тем лучше живут люди, как бы поднимаются в своем социальном статусе.

Вокруг центра обитают государственные служащие и так называемый средний класс. Там великое множество магазинов с богатыми витринами. На торцах домов висят огромные портреты имама Хомейни, духовного руководителя страны аятоллы Али Хаменеи, президента, а также героев и жертв ирано-иракской войны.

В северной части живут богатые и власть имущие. Их виллы, как крепости, окружены высокими стенами.

А вдоль широких магистралей, созданных на востоке и западе столицы, чтобы разгрузить узкие улицы города, строят высоченные многоквартирные дома, сияющие белым камнем мечети, гигантские телевизионные, образовательные и общественные центры, как бы знаменую желание иранцев вырваться из удушливой тесноты и доказать миру, что полуколониальная скудость двух последних столетий – это не больше, чем досадное недоразумение.

Подсчитали, что через 20 лет население в пределах городской черты составит 17 миллионов человек. Сейчас в Тегеране на одном гектаре площади проживает в среднем 96 человек, в столицах других государств – 150–200 человек на гектар. Видимо, число высотных зданий вырастет.

Экология в городе ужасная, воздух загазован. На улицах бесконечные пробки, что тебе твоя Москва. Как воздух, Тегерану нужно метро, которое постепенно строится, и могу засвидетельствовать, что станции первой очереди его не уступают московским того времени, когда на них не скупилась. Благо прекрасного мрамора в Иране видимо-невидимо.

* * *

Автомобильное стадо, движущееся по улицам, столь же разнообразно, как и московское. Выделяются устаревшие машины иранского производства “Пейкан”, а больше всего попадаются на глаза “Мазды”, “Рено” и другие, собираемые на иранских конвейерах. Иран выпускает около двухсот тысяч легковых автомобилей в год и собирается довести эту цифру до полумиллиона.

Улицы Тегерана до отказа забиты машинами с, видимо, лучшими в мире водителями. Они, при малочисленности светофоров и совсем незаметной полиции, сами умудряются очень быстро рассасывать пробки, сворачивать и разворачиваться, как кому в голову взбредет, договариваясь на ходу едва заметными движениями рук и мимикой, проходя впритирку, но без скрежета сминаемого металла и ругани. И при этом пропускать пешеходов, не знающих, что такое переходы, и не признающих правил уличного движения.

У меня, привыкшего к московской неуступчивости и вечно дурному настроению водителей, то и дело падало сердце...

А если редко, но задевает кто кого, все обходится без шума и драки. Наверно, страховые компании работают, как положено в благоустроенных государствах. Страховое свидетельство – достаточное основание для починки в автосервисе, у которого тесные узы с компанией.

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Во время последней поездки в Иран весной 2000 года я собирался встретиться с его руководителями, познакомиться с жизнью различных слоев населения, побывать в местах исторических.

К сожалению, получилось так, что меня поручили заботам Управления технологического сотрудничества президентской администрации, которое при всем своем старании сводило меня лишь с кое-какими заместителями министров, отработавшими свалившуюся на них обузу дежурными фразами, содержание которых мне уже известно из пропагандистских брошюр.

Скучно было мне и моим собеседникам, уклонявшимся от поставленных в лоб вопросов. За двадцать лет, прошедших после Исламской революции, многое устоялось, но в политике появились новые тенденции, вокруг которых накручивались всякие ничего не значащие слова, призванные скорее затемнить смысл происходящего, чем прояснить его. Оставалось пользоваться слухами и другими источниками, но об этом потом...

В одном мне крупно повезло.

Моим чичероне оказался Хусейн Дабахиан. На визитной карточке он значился экспертом президентской администрации. Когда я его спросил, в какой же области он “эксперт”, господин Дабахиан пробормотал, что он имеет дело с медикаментами, но, учитывая его ловкость, умение ладить с людьми, хватать мысли на лету, я было ошибочно решил, что он фармацевт в штатском, но это не мешало нам быстро найти общий язык.

К сожалению, этим языком был английский. Так что с этого времени мне пришлось общаться с иранцами, слушая переводы их речений на английский, который звучал в устах Хусейна довольно бегло, но порой невнятно, и в таких случаях приходилось переспрашивать, что, впрочем, не мешало делу. На него же возложили обязанность водить машину, “Тойоту” с кондиционером, по горячим дорогам Ирана, и справлялся он с этим весело и лихо.

Я спросил Хусейна, каким же правилам повинуются он здесь, в Тегеране, и вдруг с заднего сиденья послышался голос его жены Мариам:

— Они тут руководствуются не правилами, а инстинктом.

Это было сказано так метко, что мы оба расхохотались.

Красавица Мариам со своей крошкой дочерью Лили сидела в машине совершенно спокойно, полностью доверяя инстинкту своего ловкого супруга, который души не чаял в своей маленькой семье. Мариам превосходно владеет английским и в качестве переводчицы побывала во многих странах. Начитанностью, интеллектом и остроумием она заткнула бы за пояс очень многих образованных представителей сильного пола.

* * *

У нас бытует представление об угнетении мусульманской женщины в основном из-за ее наряда, из-за правил поведения, диктуемых исламской традицией, возникшей, по-моему, в силу знания пророком Мухаммедом бесцеремонного южного темперамента некоторых своих соплеменников-арабов...

Отсюда просторные платья, скрывающие соблазнительное изящество фигуры. И непременный плат, хиджаб, чадра, которые прячут голову и шею, но не лицо. Вспомните русских крестьянок, считавших неприличным появляться на людях “простоволосыми”, без платка или косынки. Впрочем, косметика у иранок позволительна и плечики тоже, а мешковатость или приталенность платья, как меня уверяли мужчины, зависит от того, насколько жена любит мужа и не хочет или хочет нравиться другим мужчинам.

Паранджа с сеткой — это уже примета сектантства или укоренившегося местного обычая, как и разрешенное исламом многоженство. В Иране меня с каким-то затаенным ужасом спрашивали — неужели многоженство, по слухам, сохранилось у мусульман России? А вы попробуйте содержать четырех жен одинаково хорошо, по современным понятиям, если вы не миллионер. Впрочем, говорят, в кочевых племенах где-то на границе с Пакистаном наличие лишь одной жены считается ущербным для мужского достоинства.

Поскольку еда дешева, а к столу не подают спиртных напитков, то иранцы ходят в многочисленные ухоженные рестораны семьями, с выводами ребятшек. И нетрудно заметить, что верховодит все-таки в семье супруга — “ханум”, а муж успеваает и сопли подтереть дитянке, и метнуться по ее подсказке к официанту, чтобы уточнить заказ.

А насчет легкости развода, когда мужчине достаточно, по шариату, трижды заявить об этом публично, так это еще вилами на воде писано...

* * *

По словам Дабахиана, средний доход среднего класса исчисляется примерно двумястами долларами в месяц на работающего, во что верится с трудом, учитывая размеры квартир и довольно высокую стоимость автомобилей. С другой стороны, хлеб очень дешев, а цена бензина, в переводе на американские деньги, 5 центов за литр. Я считаю на доллары, потому что, как и у нас, инфляционный процесс не останавливается и цены в местной валюте то и дело меняются. Цены пишутся обычно в риалах, но иранцы привыкли считать по старинке в туманах, в каждом из которых десять риалов.

Обуздывая воров и поощряя честную предприимчивость (Коран не запре-

щает частной инициативы), используя богатейшие полезные ископаемые, власти в Иране в состоянии выделять большие средства не только на развитие промышленности и содержание достойной армии, но и на облегчение жизни населения.

Дабы цены на хлеб и на бензин не повышались, то и другое дотируется государством. Литр бензина, как и батон или лепешка, стоит сейчас на наши деньги примерно 1 рубль. Позавидуешь. Этим определяется и общая дешевизна. Производство и продажа электроэнергии находится в руках правительства. Так как на юге Ирана трудно жить без кондиционера, который поглощает много энергии, то и цены на нее гораздо ниже, чем в более прохладных частях страны. И вообще, вспомнив наши полутемные улицы, проделки Чубайса с отключениями энергии в больницах и продажей электричества за границу, я поражаюсь обилию света всюду в вечернее время, любви иранцев украшать гирляндами лампочек всякое более или менее видное здание.

ОНИ ХОТЯТ ГОВОРИТЬ НА РАВНЫХ

К Ирану возвращается былая слава.

Страна, которая еще до античных времен была великой мировой державой, а в мрачное европейское Средневековье дала миру легион великих ученых, мыслителей и поэтов, за последние несколько сотен лет была задвинута на задворки истории. Иран подвергли унижению и собственные бездарные властители, и хищные империи, поделившие его на сферы влияния.

Новый временной рубеж установила Исламская революция, которая всего десятка два с лишним лет тому назад смела шахский режим, покончила с разворовыванием богатств Ирана, зависимостью от западных стран и тлетворной моралью вседозволенности. Постепенно новая республиканская власть, следуя заповедям ислама, дисциплинировала народ твердо соблюдаемыми законами, которые оберегают и поощряют все его лучшие нравственные традиции, основанные на вере в Бога, праведной жизни, трудолюбии и добрых взаимоотношениях между людьми.

В Иране, как и в других странах, есть президент и парламент, исполнительная, законодательная и судебная власти. Но есть и существенное отличие. Над всеми властями стоит духовный руководитель, лидер страны (рахбар), высокообразованный и волевой исламский законовед, называемый часто "образцом для подражания". Пользуясь большим авторитетом, он не распоряжается и не судит, а дает нравственную оценку тем или иным явлениям, что для его приверженцев становится чем-то вроде декрета, дух которого они стремятся внести в законы и дела.

И первым из них был имам Хомейни. Я уже приводил примеры его мнений. По сути, он создал новый вид государства, в котором нет диктатуры личности и в то же время до некоторой степени устранены вопиющие безобразия той демократии, при которой процветают лишь чиновники да мошенники. Недовольные находят всегда, но что можно было сказать против человека, который до конца жизни не менял благочестивого и скромного образа жизни, упрямо твердил, что не может переехать из маленького арендуемого им домишки в богатые хоромы, пока еще есть в Иране бедные люди.

Это по его настоянию в конституцию Исламской Республики Иран была написана статья:

"Собственность лидера страны, Президента, заместителей Президента, министров, а также их жен и детей проверяется главой судебной власти до и после окончания службы указанных лиц на предмет предотвращения ее незаконного приращения".

Такого нет ни в одной из конституций мира. Мы и представить себе не можем, чтобы в новой России, провозгласившей волею своих правителей неотъемлемость денег от власти и за десяток лет опустившейся по уровню жизни большинства ее населения на какое-то невыносимое место, появилось нечто подобное.

Более того (у кого что болит, тот о том и говорит), ни один иранский предприниматель не может даже по делам выехать из страны, если окажется замешанным в махинациях или пока полностью не рассчитается в определенное время с налоговым ведомством.

И если, по статистике, убыль нашего населения из-за обнищания и чувства безысходности составляет около миллиона ежегодно, то в Иране население с 36 миллионов в предреволюционный год за двадцать лет увеличилось вдвое. Порог продолжительности жизни поднялся, а двум третям нации не исполнилось еще и двадцати пяти лет.

России же “глобалисты” прочат убыль коренного населения со 140 до 50 миллионов в ближайшие десятилетия. Ровно столько требуется им, чтобы из нашей страны исправно поставлялось сырье “золотому миллиарду”.

Нас утешают тем, что население пополнится энергичными эмигрантами из восточного зарубежья. Их, только неучтенных и незаконных, проживает у нас более миллиона. Жизненная сила коренных жителей России истощена переворотами, войнами, социальными бедами, главная из которых пьянство. Довольствуясь пока малым, связанные круговой порукой пришлые вытесняют коренных из торговли и других выгодных занятий.

Вот тут стоило бы вспомнить “Персидские письма” Шарля Монтескье, который вместе с Вольтером открыл век французского Просвещения, приведшего к революции. Там он облек в слова идеальный рецепт процветания:

“Выгода отдельных лиц всегда заключается в выгоде общественной”.

Герой его книги Узбек утверждал, что в те времена магометанские страны становились безлюднее оттого, что забывали порой об угодных Богу делах — “произвести на свет ребенка, возделывать поле и посадить дерево”.

Иносказания и мысли Монтескье стали расхожими, но благоразумие у нас не в чести, так, может быть, вспомним хотя бы его грозное предостережение о том, что **“народ, численность которого падает ниже известного уровня, прозябает потом в том же положении, а если паче чаяния и возродится, то для этого нужны века”** (выделено мною. — Д. Ж.).

Кстати, в “Персидских письмах” он утверждал, будто евреи восстанавливали свои потери “единственно в силу надежды, теплящейся в каждой семье, — надежды на то, что родится у них могучий царь, который станет властелином Земли”.

В Иране не питают подобных надежд, но нация молода и способна прокормить своих стариков. Власти заботятся о молодежи. Принят даже специальный устав, по которому каждый новобрачный может получить перед вступлением в брак солидную сумму беспроцентного кредита в рассрочку на четыре года. Могут брать такой же кредит и студенты.

Самое главное сейчас для Ирана — это дать образование молодым людям, большинству населения страны. Как грибы, растут все новые университеты, оснащенные новейшей электронной техникой. Исламская республика придает особое значение не только традиционным религиозным дисциплинам. В почете техника, технология, компьютеризация, точные науки. На международных юношеских олимпиадах иранские команды химиков, математиков и компьютерщиков завоевывают первые места.

Мне приходилось выступать в учебных заведениях. В разговорах выяснилось, что большинство способных молодых людей хотят стать инженерами или врачами. Не журналистами, политологами, юристами, а теми, что непосредственно связаны с производством и улучшением здоровья нации. Студенты (среди которых половина — прекрасный пол) вгрызаются в новейшие достижения мировой науки и технологий с яростью провинциалов, приехавших завоевывать столицу и повергать к стопам своим изнеженных конкурентов.

В стране строится великое множество наукоемких предприятий, как это было у нас в свое время и когда именоваться специалистом считалось почетным. Тенденция понятна. Только так можно добиться независимости страны, которая уже теперь бросает вызов технологически развитым странам и предлагает мирный диалог цивилизаций, чтобы выиграть время и в дальнейшем вести с ними разговор на равных.

В Иране миллиона полтора учится в университетах и других высших учебных заведениях. Обилие молодых людей вызывает трудности с обеспечением работой, но работают они при конкуренции усердно, содержат прилично пенсионеров, которые переступают порог при переходе в мир иной лет на десять позже, чем наши. Может быть, потому, что право на получение пенсии, составляющей 80% от жалования, те получают после 20 лет службы или работы вместе с правом заниматься любой честной деятельностью.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Иран и Россия, в различных обличиях, долго были соседями, да и теперь их разделяет лишь Каспийское море. В истории их отношений отразилась, как в зеркале, история мировой дипломатии. В нее вписаны взлеты и падения, немало обид и претензий, которые исчезли разом с развалом Советского Союза и Исламской революцией в Иране, свергнувшей шахскую деспотию и заложившей основы уже видимого расцвета.

Началась новая эра, завязались новые отношения, пока не омраченные ничем, как бы ни старались наши общие враги представить народы Ирана и России в дурном свете друг перед другом.

Пока писалась эта книга, отношения между Ираном и Россией все тепле-ли, вызывая скрежет зубный в российских средствах массовой информации, которые до сих пор называют Россию “этой” страной, а не “нашей”, как говорят русские люди. СМИ принадлежат, в основном, негодьям, которые обворовали ее в последние десятилетия, а теперь лгут, сеют смуту, убивают у людей надежду на президента, похожего по облику на “своего”, но пока не торопящегося исправлять положение.

Да, наша страна обеднела и почти утратила статус великой державы из-за злой воли и жадности “олигархов” и шкурничества чиновников, готовых в любой момент перекраситься вновь во что угодно. Но есть еще в России выдающиеся умы и золотые руки, что позволяет ей брать на себя экономические и другие обязательства перед богатеющим Ираном на миллиарды, которые дают еще одну из возможностей кое-как сводить концы с концами.

Верится, что наши отношения будут развиваться весьма благоприятно. Как говорят на Востоке, собаки лают, а караван идет. Уже трудятся дипломаты обеих стран над текстами взаимовыгодных договоров. Уже идет подготовка к строительству второй очереди Бушерской атомной станции и 12 новых тепловых. Уже на Волге красят тысячи ржавевших у берега судов, поскольку договорились о транзите через Иран, по Каспийскому морю и дальше, до самой Балтики, грузов, что в четыре раза короче, чем везти их через Суэцкий канал.

* * *

Когда возникла идея в этой новой книге расширить наше представление об Иране, о его истории, культуре, нравах его жителей, и я весной 2000 года вновь посетил страну, стало ясно, что мне не обойтись без разъяснения массы исторических традиций и религиозных реалий, которыми пронизана вся жизнь современного иранца. А это потребовало бы тона серьезного, наукообразного, приличествующего учебнику или путеводителю.

Дробность и одновременность впечатлений мешает стройности повествования... Теперь я понимаю, почему до сих пор не прочел даже о России ни одной книги, которая дала бы компактное и целостное представление о собственной стране – не только об особенностях ее истории, просторов, достижений или неудач, но и о характере населяющих ее людей, национальной идее, смысле нашего существования.

Во-первых, как сказал некогда воспетый мной Козьма Прутков, нельзя объять необъятное.

Во-вторых, утешает странное свойство нашего восприятия увиденного. Человек приехал на новое место, и свежему взгляду все интересно.

В-третьих, выбор тона (серьезного или несерьезного) поверг меня в сомнение – автор оказался в положении знаменитого осла, который остановился перед двумя охапками сена и, не зная, какой отдать предпочтение, оголодал и чуть не откинул копыта.

Пожалуй, в книге об Иране следовало бы отдать предпочтение тому, что хоть как-то связано с Россией или наводит на размышления о ней. А также лишь передаче поверхностных впечатлений от кратковременных посещений страны настолько древней, что возникновение ее теряется где-то еще до первых страниц мировой истории.

Может быть, меня поторопили с этой публикацией... Книга еще не закончена, а писать с возрастом все труднее и труднее. Что же касается тона – это уж как Бог даст.